

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

**АЛИШЕР НАВОИ
СОЧИНЕНИЯ В ДЕСЯТИ ТОМАХ**

II

Издательство “...”

АЛИШЕР НАВОИ

СОКРОВИЩНИЦА МЫСЛЕЙ

II

ТАШКЕНТ – 2021

Р е д к о л л е г и я

*Б.А.Абдухалимов, М.Х.Асадов, О.Д.Давлатов, Н.Ильин, Н.М.Махмудов,
С.Саййид, Ш.С.Сиражиддинов, К.О.Эргашев, Ж.С.Эшонкулов, И.Ч.Хаккулов.*

Издание подготовлено к печати Писательским союзом
Узбекистана и Институтом языка, литературы и фольклора АН РУз

Составители тома

Х.С.Сулейманов

И.Ч.Хаккулов

М.Х.Асадов

Оформление Народного художника Республики Узбекистан
И.И.Икрамова и П.Д.Воронкина

ГАЗЕЛИ

ЧУДЕСА ДЕТСТВА

Коль на встречу надежды горит огонек для меня,
Мне беда – не беда, дальний путь – не далек для меня.

Град насмешек-камней, что бросает шалунья, смеясь, –
Стая сов, заселивших забытый чертог, – для меня.

Грезит праведник раем, я – образом пери моей,
Розы рая – ему, розоликий цветок – для меня.

Лишь увижу ее – и рассудок теряю совсем.
Каждый взгляд ее ранит – он словно ожог для меня.

Лижут раны мои ее псы, благодарен я им:
Исцеления способ такой не жесток для меня.

Чашу, кравчий, подай, я как в зеркало буду глядеть,
Чтобы лик красоты в ней возник хоть разок для меня.

Кравчий чашу поднес – как зуннаром опутал мой стан,
Четки, шейх, убери – в них какой теперь прок для меня?

О любовь, мою жизнь ты дыханием смерти овей:
Самомнение и гордость любимой – силок для меня.

Нынче верность не ценят. Измены жестокой моей
Каждый час, каждый миг будто острый клинок для меня.

Навои, в мире нужно немного – вино и любовь,
А другое все прах лишь – вот жизни итог для меня.

В гиацинтах кос твоих мускус найден мной давно,
Ясно мне, что праху быть возле мускуса грешно.

Спеленала ты мне душу паутиною ресниц,
Муха я, а ты – наук, у тебя в душе черно.

Чуть уйдешь в закат пурпурный, как начну я слезы лить,
Ровно молнией сверкну, дабы не было темно.

Ждут, как зернышки в гранате, семена любви в душе
Губ, которым их растить и лелеять суждено.

Ты мне в грудь швырнула камень, чтобы сердце разбудить,
И твердишь, что сердцу сна, мол, от рожденья не дано.

Океан небесной сферы не имеет берегов,
Всем, кто вверится волне, суждено увидеть дно.

Если милая помянуть не захочет Навои,
Помянут его друзья, мертвецу-то все равно!

Принял от людей немало я на этом свете мук,
Но пока ее не знал я, мог и не заметить мук.

Отвратить судьбы удары как сумею, если мне
С мукой довелось спознаться, где не ждал я встретить мук.

Вижу я ежеминутно тьму мучений там и тут,
Все же должен боль разлуки прежде всех отметить мук.

Как летят в долине стрелы на затравленных зверей,
Так летят в меня упреки, – не порвать мне сети мук.

Коль тревожат мое сердце даже локоны ее,
Не скрываю беспокойства, не держу в секрете мук.

О пойми, никто не может увеличить мою боль,
Убежден – у нас в отчизне нет страшнее этих мук!

От капризов луноликой, как от пыток я горю,
Корчусь в муках–нет, я знаю, злейших на планете мук!

Это не по-мусульмански – так несчастного терзать,
Превращать минуту боли в целое столетье мук!

Навои, коварной пери отдал тело ты и дух.
На недуг любовь похожа – ты исхлестан плетью мук!

Если б в водах отразились рядом с ней мои черты,
Где б те воды ни струились – расцвели б вокруг цветы.

О кудрях мечтаю нежных, вспоминаю стройный стан,
И, как облака по небу, чередой плывут мечты.

От сиянья луноликих вновь в смятенье весь народ:
Привлекает и чарует всех сияньем красоты.

То Фархадом, то Меджнуном мудрецы меня зовут.
От любви я обезумел и устал от суеты.

Всюду, где поют, играют, появляется она,
На поклонников взирая с недоступной высоты.

Каждый, кто обижен жизнью, утешается вином,
Потому, что все на свете лишь собою заняты.

Навои, шалунья-пери всех стремится уколоть,
Лишь тебя не замечает – видно, ей не нужен ты.

Всадник на соревнованье бьет тулпара по бокам, –
Конь – как молнии сверканье, пыль подобна облакам.

Острой ревности стрелою сердце ранено мое.
Бьется сердце, словно голубь, подкатись к твоим ногам.

Причиняя мне мученье, ты сгибаешь лук бровей,
Для тебя сплетаю душу в тетиву тугую – сам.

Над ристалищем, как солнце, ты восходишь каждый день.
О, как радостно и больно на тебя глядеть глазам!

Кто, в мишень пуская стрелы, изгибает лук бровей?
Ты – чье сладостное тело для души жестокой храм.

Будешь ты одна виновна, коль от горя я умру,
Коль моей несчастной жизни нить порвется пополам.

Знаю, станет тот мишенью, кто царицу попрекнет,
Знаю – нет в ней снисхожденья к опрометчивым рабам...

Навои, твои желанья растоптал ее тулпар –
Сердца лучшие надежды превратились в пыль и хлам!

Лицо твое –месяц на небе, а небо – твой конь голубой,
И короне жемчужины звезды с предутреннею синевою.

Твой конь проскакал. И подкову, на темя ступившую мне,
Как будто бы для извиненья, я краской покрыл золотой.

От гордости словно пьянея, гарцуя на небе-коне,
Летит этот всадник... Аллах мой, и конь, и наездник какой!

О как тяжела ночь разлуки! Терзаются люди земли,
Терзаются жители неба. Крик ангелов, гул громовой!..

Пусть твой собутыльник приходит – я в сердце огонь разожгу
И печень свою приготовлю, чтоб сытым был гость дорогой.

Пусть раб твой последний гордится: он – шах среди прочих людей,
И если с рабом подружиться, доступен и шахский покой.

Лицо?.. Для его описанья не строчка – страница нужна,
Но это страница из солнца, светящаяся красотой.

А волосы?.. Тьма черной ночи – чернила, чтоб их описать...
Бог видит тебя, будь примером, ничьей не гнушайся судьбой!

И коль Навои обезумел, чтоб буйное сердце смирить,
Довольно кудрей твоих цепи, с их кольцами и чернотой!

Ах, какой тиран ужасный дал ей силу зло творить?
Тем, что за нее согласны лечь в могилу, – зло творить?

Где б она не появилась – сеет смуту и раздор.
Губит разум, будит страсти, – знать ей мило зло творить!

Поклоняются ей толпы покоренных красотой,
Не сознание ль своей власти приучило зло творить?

Повернет коня к другому, ощущая в сердце боль.
Взор ее копыа грознее – полюбила зло творить!

Кровь в глазах моих – не слезы, ослабел я и иссох.
Пью вино за то, чтоб пери позабыла зло творить.

Мне с тобою нет покоя, без тебя не стоит жить.
Может быть, хоть пожалеешь: надо ль было зло творить?

Пусть шиповник и тюльпаны превратят вино в елей!
Красоту свою лелеешь, чтобы с пылом зло творить?

Что я сам? Крупинка мака! Хоть иду по небесам,
Превратив Плеяды в четки, тщусь уныло зло творить.

Не душа живет, а муки в брэнном теле Навои,
С отчим домом он в разлуке и – не в силах зло творить!

Взор-кинжал мне сердце ранил, глубоко вонзившись в грудь.
Ты, подняв ресницы-стрелы, на меня пришла взглянуть.

Злые взгляды без пощады душу мнут и в клочья рвут.
На письмо душа походит, где исчезла смысла суть.

Мне садятся на ресницы друг за дружкой капли слез,
Как на прутья ребятишки, чтобы резво мчаться в путь!

Если я во сне увижу ночь разлуки невзначай,
Разольется желчь от страха и глаза застелет муть.

На сердечной моей ране тлеет корпии зола.
Копоть – в очаге страданья. Жизнь во мне горит чуть-чуть.

Люди утром солнцу рады. Я – как тень при свете дня.
Ах, я стал подобен праху – навожу на встречных жуть.

Тайну, даже ту, что речью ты не в силах передать, –
Не в молельне, так в харчевне разгадает кто-нибудь.

Не изложишь дум, стараясь красноречием блеснуть, –
Хвастунам красноречивым мудреца не обмануть...

Навои, в вине увидел ты рубины чьих-то уст.
Почему теперь, трезвея, хочешь чашу оттолкнуть?